

ОБЗОР СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ РАЗРЕШЕНИЯ СПОРОВ, СВЯЗАННЫХ С УСТАНОВЛЕНИЕМ ТРЕБОВАНИЙ КОНТРОЛИРУЮЩИХ ЛИЦ В ПРОЦЕДУРАХ БАНКРОТСТВА

1. Само по себе наличие у кредитора статуса контролирующего должника лица не является основанием для понижения очередности удовлетворения его требования о возврате займа, предоставленного должнику в отсутствие признаков неплатежеспособности или (вариант: слова «неплатежеспособности или» исключить) объективного банкротства общества.

В рамках дела о банкротстве гражданин, являющийся участником должника с 60-процентной долей участия в уставном капитале, обратился в арбитражный суд с заявлением о включении в реестр требований кредиторов должника его требований, основанных на договоре займа.

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции, во включении требований гражданина в реестр требований кредиторов отказано.

Суд счел, что гражданин в силу наличия у него значительной доли участия в уставном капитале должника может рассматриваться в качестве контролирующего лица, которое в силу этого обладает единым с должником экономическим интересом, что не позволяет включить его требования в реестр требований кредиторов наряду с требованиями независимых кредиторов.

Суд округа отменил определение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции.

Окружной суд исходил из того, что действующее законодательство о банкротстве не содержит положений, согласно которым наличие у кредитора статуса контролирующего должника лица влечет за собой понижение очередности удовлетворения его требований. Если финансирование было предоставлено должнику до момента появления у него признаков неплатежеспособности (вариант: слово «неплатежеспособности» исключить) или объективного банкротства, нет причин умалять в правовом положении кредиторов, связанных с должником и обладающих возможностью влиять на его деятельность, по сравнению с положением кредиторов, такой возможностью не обладающих.

Из фундаментального принципа автономии воли и свободы экономической деятельности участников оборота (статья 1 Гражданского кодекса Российской Федерации) вытекает право каждого определять правовую форму инвестирования, в частности, предоставления кредита контролируемым организациям. В связи с этим ограничение участников юридических лиц в их правах в части возможности выбирать способ предоставления контролируемым ими обществам финансирования не соответствует нормам действующего законодательства. При этом сама по себе выдача финансирования контролируемому лицу в форме займа не свидетельствует о том, что требование кредитора вытекает из его прав участия в уставном капитале должника (абзац восьмой статьи 2 Закона о банкротстве) и потому не препятствует его включению в реестр.

2. Требования контролирующих должника лиц, основанные на займах, предоставленных должнику в ситуации неплатежеспособности (вариант: слово «неплатежеспособность» исключить) или объективного банкротства, подлежат удовлетворению после требований независимых (внешних по отношению к должнику) кредиторов.

В рамках дела о банкротстве должника с заявлением о включении своих требований в реестр требований кредиторов обратился участник должника, обладающий совместно с аффилированными лицами 51 процентом голосующих акций должника. В обоснование своих требований он ссылаясь на факт предоставления двух целевых займов для погашения задолженности перед банком, а также на наличие вступившего в законную силу судебного акта о взыскании суммы займа.

Суд первой инстанции во включении требований в реестр отказал, отметив, что данный кредитор является контролирующим должника лицом, которое должно нести риски банкротства подконтрольного общества.

Суд апелляционной инстанции отменил определение суда первой инстанции и удовлетворил заявление участника, включив его требования в третью очередь требований реестра кредиторов. Суд указал, что сам по себе факт контроля над деятельностью должника не является основанием для понижения очередности удовлетворения требований кредитора.

Суд округа отменил определение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции, направив дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции, по следующим основаниям.

Суд апелляционной инстанции правильно исходил из того, что действующее законодательство о банкротстве не содержит положений, согласно которым наличие у кредитора статуса контролирующего должника лица влечет понижение очередности удовлетворения его требований.

Вместе с тем в данном деле судами не были учтены все обстоятельства, сопровождавшие предоставление кредита контролируемой компании. Внутреннее финансирование должно осуществляться добросовестно и не должно нарушать права и законные интересы иных, внешних кредиторов должника.

Так, при наступлении обстоятельств, предусмотренных пунктом 1 статьи 9 Закона о банкротстве, должник обязан обратиться в суд с заявлением о собственном банкротстве в связи с невозможностью

дальнейшего осуществления нормальной хозяйственной деятельности по экономическим причинам. Тем не менее, у контролирующего лица есть возможность выбора - обратиться в суд с таким заявлением или попытаться вернуть предприятие к нормальной хозяйственной деятельности, разработав план выхода из кризиса путем предоставления финансирования и одновременно взяв на себя риск неудачной реализации этого плана. Поэтому в подобной ситуации кризиса (объективного банкротства) или неплатежеспособности (*вариант: слово «неплатежеспособности» исключить*), разрабатывая соответствующие меры по санации, контролирующие должника лица должны осознавать, что впоследствии они не вправе будут противопоставить свои требования о возврате антикризисного финансирования требованиям иных независимых кредиторов (пункт 4 статьи 1 Гражданского кодекса Российской Федерации).

При таком подходе любые вложенные в компанию средства в условиях финансовых затруднений компании могут быть изъяты контролирующими лицами обратно только при условии, что это не нарушает права внешних, не связанных с санацией кредиторов. Поэтому в случае банкротства, контролирующее лицо вправе рассчитывать на возврат предоставленного финансирования только после удовлетворения требований независимых кредиторов, а именно после кредиторов, указанных в пункте 4 статьи 142 Закона о банкротстве.

Суд округа дал указание суду первой инстанции при новом рассмотрении спора установить, при каких условиях предоставлялось финансирование, и с учетом этого определить очередность удовлетворения требования контролирующего лица. При этом суд отметил, что само по себе наличие вступившего в законную силу судебного акта, подтверждающего сумму долга, не препятствует арбитражному суду, рассматривающему дело о банкротстве, рассмотреть возражения относительно очередности удовлетворения данного требования.

В рамках другого дела контролирующее лицо обратилось с заявлением о признании должника банкротом.

Суд первой инстанции установил, что в основании требования контролирующего лица лежит задолженность по договору займа, предоставленному в условиях объективного банкротства должника.

Учитывая названное обстоятельство, суд первой инстанции ввел процедуру наблюдения по заявлению контролирующего лица, признал его требования подлежащими удовлетворению после требований кредиторов, указанных в пункте 4 статьи 142 Закона о банкротстве, и определил кандидатуру временного управляющего посредством случайного выбора (пункт 5 статьи 37 Закона о банкротстве).

Суд апелляционной инстанции отменил названное определение, указав следующее.

Сама по себе возможность у контролирующих лиц получить удовлетворение своих гражданско-правовых требований, возникших при предоставлении антикризисных займов, в процедуре банкротства не указывает на то обстоятельство, что они вправе инициировать названную процедуру. Институт несостоятельности является, в первую очередь, инструментом защиты законных прав и интересов рядовых кредиторов, которые лишены возможности влиять на деятельность должника иным ординарным способом. В отличие от рядовых кредиторов контролирующие лица имеют возможность формировать органы управления должника, влиять на принятие ими решений, оспаривать сделки, требовать возмещения директоров убытков, поэтому законодатель не наделил их дополнительными полномочиями по инициированию дел о несостоятельности на основании требований, вытекающих из антикризисного финансирования.

Учитывая изложенное, суд апелляционной инстанции принял определение об отказе во введении наблюдения и ввиду отсутствия заявлений иных кредиторов прекратил производство по делу (пункт 3 статьи 48 Закона о банкротстве).

2.1. Требования контролирующих должника лиц о возврате финансирования, предоставленного при создании должника, подлежат удовлетворению наравне с требованиями независимых (внешних по отношению к должнику) кредиторов.

В рамках дела о банкротстве единственный участник должника обратился с заявлением о включении в реестр требований кредиторов его требования, основанного на договоре займа.

Суд первой инстанции отказал во включении в реестр требований кредиторов по следующим основаниям. Общество было создано с уставным капиталом 10 тысяч рублей, при этом его основной деятельностью было строительство торгового центра. Вскоре после создания обществу участником был предоставлен заем в размере 10 миллионов рублей. По мнению суда, учреждение общества с таким уставным капиталом для строительства крупного объекта было заведомо недостаточно и фактически заем учредителя прикрывал сделку по внесению капиталозамещающего финансирования. В связи с этим требования из предоставленного займа не могут конкурировать с требованиями иных кредиторов.

Суд апелляционной инстанции оставил определение суда первой инстанции без изменения, но дополнительно обратил внимание на то, что иные кредиторы не знали о том, что общество финансировалось через заем учредителя.

Суд кассационной инстанции судебные акты иных инстанций отменил и указал, что законодатель установил минимально необходимый размер капитала (10 тысяч рублей), которым обязаны рисковать участники для получения привилегии ограниченной ответственности (пункт 1 статьи 14 Закона об ООО). Из фундаментального принципа автономии воли и свободы экономической деятельности участников оборота (статья 1 Гражданского кодекса Российской Федерации) следует, что участники общества свободны в

выборе формы дополнительного финансирования своего предприятия, путем увеличения уставного капитала или путем предоставления ему займа.

Опровергая выводы суда апелляционной инстанции, суд кассационной инстанции также отметил, что кредиторы в равной мере не знают и о финансировании предоставленном обществу другими кредиторами, а не только о займе участника. Для целей оценки финансового состояния каждый кредитор вправе проводить предварительную проверку своего контрагента. Законодатель не гарантирует финансовой устойчивости каждого экономического субъекта, а лишь устанавливает минимальные требования в части капитала, который должны вложить участники и который будет доступен кредиторам. При этом размер уставного капитала является публично раскрываемым (подпункт «к» пункта 1 статьи 5 Федерального закона «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей»), а значит, кредиторам заранее известно, с кем они вступают в отношения. Поэтому в дальнейшем они не вправе ссылаться на недостаточную капитализацию контрагента при его создании.

По мнению суда кассационной инстанции, иной подход не обеспечивал бы правовую определенность и нарушал бы разумные ожидания участников общества, которым заранее точно не известно, является ли формируемый ими уставный капитал достаточным или нет, в связи с неопределенностью присущей предпринимательской деятельности. Руководствуясь изложенным, суд включил требования учредителя в третью очередь реестра требований кредиторов.

Вариант пункта: 2.1. Требования контролирующих должника лиц о возврате финансирования, предоставленного при создании должника, подлежат удовлетворению после требований независимых (внешних по отношению к должнику) кредиторов.

В рамках дела о банкротстве единственный участник должника обратился с заявлением о включении в реестр требований кредиторов его требования, основанного на договоре займа.

Суды установили, что при создании общества его единственный учредитель помимо наделения организации уставным капиталом в минимальном размере (10 000 рублей) предоставил обществу беспроцентный заем на пополнение оборотных средств. На протяжении последующих десяти лет между заемщиком и займодавцем неоднократно заключались дополнительные соглашения к договору займа о продлении срока возврата финансирования.

Введение в отношении общества процедуры несостоятельности послужило основанием для обращения участника с требованием о включении спорной задолженности в реестр.

Суд первой инстанции, выводы которого впоследствии были поддержаны судами апелляционной инстанции и округа, понизил очередность удовлетворения требования участника по следующим основаниям.

Действующее законодательство о банкротстве не содержит положений, согласно которым понижается очередность удовлетворения требований контролирующих должника лиц. Однако такой подход применим только к ситуациям, когда должник, получая финансирование, находится не в состоянии кризиса, а в условиях, когда он имеет возможность самостоятельно вести нормальную хозяйственную деятельность.

Учредители общества, создавая нового участника оборота, должны позаботиться о том, чтобы он имел возможность осуществлять поставленные перед ним бизнес-задачи и достигать цели своей уставной деятельности. Такая обязанность исполняется учредителями, в том числе посредством выделения и передачи обществу имущества, размер которого адекватен и соразмерен названным целям и задачам. В обратном случае природа созданной организации будет противоречить самой сути понятия

юридического лица, необходимым признаком которого является имущественная обособленность, в том числе от своих учредителей (пункт 1 статьи 48 Гражданского кодекса Российской Федерации).

Учитывая, что в данном случае 10 000 рублей было явно недостаточно для ведения уставной деятельности (приобретение и перепродажа автомобилей), суд первой инстанции указал, что финансирование было фактически предоставлено в рамках корпоративных процедур, в связи с чем требования участника подлежат удовлетворению после требований кредиторов, указанных в пункте 4 статьи 142 Закона о банкротстве.

3. Требования контролирующих должника лиц, возникшие из иных, помимо договора займа, оснований, могут быть понижены в очередности удовлетворения при условии, если таким образом фактически предоставлялся кредит в ситуации неплатежеспособности или недостаточности имущества должника.

Между должником и кредитором (кооперативом), обладающим в соответствии с заключенным с участниками должника корпоративным договором правом давать обязательные указания в отношении того, как должны голосовать участники, был заключен договор аренды на неопределенный срок, согласно которому кооператив (арендодатель) передал в пользование должника (арендатора) земельный участок и комплекс зданий на нем. Размер ежемесячных платежей по договору составил 500 тысяч рублей.

Поскольку должник на протяжении 5 лет, в течение которых пользовался предоставленным ему имуществом — вплоть до принятия арбитражным судом решения о введении в отношении него процедуры наблюдения по заявлению компании— не осуществлял оплату в соответствии с условиями названного договора, кооператив обратился с заявлением о включении его требований об уплате арендных платежей в реестр

требований кредиторов должника.

Компания возражала против включения данных требований участника в реестр, указывая на то, что последний, имея юридическую возможность влиять на принимаемые должником решения, является контролирующим лицом и не может поэтому участвовать в процедуре наравне с другими (внешними) кредиторами. По мнению компании, кооператив, не требуя от должника в течение многих лет исполнения обязательств и предоставляя на регулярной основе отсрочку платежа экономически предоставил арендатору кредит.

Определением суда первой инстанции кооперативу отказано во включении его требований в реестр требований кредиторов должника в связи с наличием аффилированности между ним и должником.

Суд апелляционной инстанции отменил названный судебный акт и включил требования кооператива, возникшие в период действия договора аренды до возникновения у должника признаков неплатежеспособности, в третью очередь реестра требований кредиторов, а требования, возникшие после наступления указанных признаков признал подлежащими удовлетворению после требований кредиторов, указанных в пункте 4 статьи 142 Закона о банкротстве.

Как указал суд апелляционной инстанции, само по себе предоставление кооперативом как контролирующим должника лицом кредита последнему в форме отсрочки в оплате пользования имуществом не является основанием для отказа ему в праве участвовать в распределении оставшегося имущества наравне с другими кредиторами. Вместе с тем в той части, в которой подобный кредит был предоставлен в ситуации неплатежеспособности должника и может рассматриваться в качестве части комплекса мер, направленных на преодоление затруднительного экономического положения, основанные на нем требования подлежат понижению в очередности удовлетворения.

В другом деле установлено, что должник, осуществлявший деятельность по продаже зерна третьим лицам, находясь в трудном финансовом положении, заключил соглашение с обществом (производителем зерна), входящим с должником в одну группу лиц, соглашение о поставке товара.

После того, как в отношении должника была введена процедура банкротства, общество обратилось с заявлением о включении его требования по оплате состоявшейся поставки в реестр.

Суд первой инстанции включил требование общества в третью очередь реестра требований кредиторов, указав следующее. В данной ситуации поставка товара в отсутствие оплаты, с экономической точки зрения, опосредовала кредитование должника в условиях неплатежеспособности (объективного банкротства) последнего. Однако поставщик не обладает статусом контролирующего лица, в частности, не участвует в уставном капитале должника, в связи с чем оснований для понижения очередности удовлетворения его требований не имеется.

Суд апелляционной инстанции изменил определение суда первой инстанции в части порядка удовлетворения включенного требования, придя к следующим выводам. Несмотря на то, что поставщик действительно напрямую не контролирует должника, они аффилированы между собой по признаку вхождения в одну группу лиц. Единственным участником как должника, так и поставщика является холдинговая компания, которая в силу своего контроля имеет возможность определять действия обеих дочерних структур. Трудно предположить, что условиях отсутствия аффилированности любой разумный участник гражданского согласится осуществить поставку без оплаты, зная о тяжелом финансовом положении покупателя.

В данной ситуации очевидно, что холдинговая компания как контролирующее лицо обеих сторон сделки, использовало преимущество своего статуса в целях реализации плана по выводу должника из кризиса посредством понуждения поставщика перераспределить блага из своей

имущественной массы в пользу покупателя. Такое требование для целей банкротства подлежит такой же квалификации, как если бы поставку осуществляла сама холдинговая компания, то есть требование удовлетворяется после требований кредиторов, указанных в пункте 4 статьи 142 Закона о банкротстве.

4. Распределение прибыли должника под видом возврата займа необходимо рассматривать как обход закона со стороны мажоритарного участника (акционера), если соответствующие действия совершаются в условиях неплатежеспособности общества или его объективного банкротства.

В рамках дела о банкротстве должника гражданин, являющийся мажоритарным участником должника, входящего в группу компаний, обратился в суд с заявлением о включении своих требований, основанных на договорах займа, в реестр требований кредиторов должника (далее - реестр).

Определением суда первой инстанции в удовлетворении заявления отказано, поскольку, суд посчитал, что при помощи займов фактически были оформлены отношения по изъятию доходов общества-должника, что в данном случае свидетельствовало об обходе правового режима выплаты дивидендов и сопутствующего ему ограничений и о злоупотреблении сторонами своими правами.

Постановлением арбитражного апелляционного суда, оставленным в силе постановлением окружного суда, данное определение отменено, принят новый судебный акт о включении в третью очередь реестра требований должника. Суды исходили из того, что предоставление финансирования контролируемому обществу посредством займов как не специфически корпоративных сделок не является основанием для отказа во включении в реестр вытекающих из них требований или понижения очередности при их удовлетворении.

Отменяя постановления судов апелляционной и кассационной инстанций и оставляя в силе решение суда первой инстанции, Верховный суд указал следующее.

Хотя тот факт, что участник должника является его займодавцем, сам по себе не свидетельствует о корпоративном по смыслу абзаца 8 статьи 2 Закона о банкротстве характере требования по возврату суммы займа, при определенных обстоятельствах подобное требование участника либо иного контролирующего должника лица может быть понижено в очередности удовлетворения в отношении требований других (независимых) кредиторов.

По общему правилу деятельность любого коммерческого юридического лица (исходя из его уставных задач) имеет своей основной целью извлечение прибыли (часть 1 статьи 50 Гражданского кодекса Российской Федерации). Инвестируя денежные средства в капитал общества, участник, с одной стороны, рискует своим имуществом в пределах стоимости вклада, а с другой, при успешном ведении бизнеса рассчитывает на получение прибыли от деятельности общества пропорционально размеру данного вклада. Обычным способом изъятия участниками денежных средств от успешной коммерческой деятельности принадлежащих им организаций является распределение прибыли.

Вместе с тем возможны ситуации, когда прибыль изымается участником общества или выплачивается ему под прикрытием иной сделки, например, займа, что имело место в рассматриваемом деле. Поскольку в данном случае участник-займодавец не смог обосновать экономическую целесообразность сложившихся между ним и обществом отношений: размер процента по договору займа был завышен, срок займа неоднократно продлевался, размер выплаченных процентов уже превысил размер основного тела кредита, длительное отсутствие распределения прибыли должника в соответствии с корпоративными процедурами, суд с учетом конкретных обстоятельств дела квалифицировал такие отношения как отношения, связанные в том числе с распределением прибыли, а также констатировал, что собственно заем и

обычные проценты за пользование займом были уже фактически возвращены.

Несмотря на то, что указанные действия не являются сами по себе незаконными, недопустимо, чтобы это приводило к обходу предусмотренных законом запретов на распределение прибыли в условиях неплатежеспособности общества или его объективного банкротства (абзац четвертый пункта статьи 29 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью», абзац четвертый пункта 1 статьи 43 Федерального закона «Об акционерных обществах»). В связи с этим в удовлетворении требований контролирующего лица в отношении возврата оставшихся средств по договору займа было отказано (статья 10 ГК РФ, абзац четвертый пункта 4 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23.12.2010 № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Закона о банкротстве»).

5. В рамках дела о банкротстве основного заемщика суброгационное требование поручителя, являющегося контролирующим должника лицом или подконтрольным ему лицом, не может конкурировать с требованиями независимых кредиторов, если договор поручительства был заключен с кредитором в ситуации неплатежеспособности или объективного банкротства.

Должник и банк заключили договор о возобновляемом кредите, в соответствии с которым банк предоставил заемщику денежные средства (возобновляемый кредит) в пределах лимита задолженности на сумму 100 млн. рублей.

В обеспечение исполнения обязательств по кредитному договору банк и общество, являющееся контролирующим должника лицом, заключили договор поручительства, по условиям которого общество обязалось отвечать за исполнение должником всех его обязательств по договору о возобновляемом кредите.

Через полгода в связи с неисполнением должником обязательств по договору банк с расчетного счета общества списал 100 млн. рублей. Через две недели арбитражный суд по заявлению уполномоченного органа признал должника банкротом.

В рамках дела о банкротстве должника общество обратилось в суд с заявлением о включении своих требований, перешедших к нему в порядке суброгации (статья 365 Гражданского кодекса Российской Федерации), в реестр требований кредиторов, полагая, что, исполнив обязательства должника, встало на место банка по обязательствам, вытекающим из кредитного договора.

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлениями суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, требования общества включены в реестр требований кредиторов, однако суды определили, что они подлежат удовлетворению после требований других независимых кредиторов должника. Суды при этом приняли во внимание, что в отсутствие поручительства кредит не был бы предоставлен, и то, что договор поручительства был заключен обществом в условиях неплатежеспособности подконтрольного ему должника, а значит контролирующее лицо, выдавая поручительство, по сути, предоставило должнику финансирование. На основании этого соответствующее суброгационное требование поручителя не может конкурировать с требованиями независимых кредиторов (пункт 4 статьи 1 ГК РФ).

Вариант: 5. В рамках дела о банкротстве основного заемщика суброгационное требование поручителя, являющегося контролирующим должника или связанным с ним лицом, не может конкурировать с требованиями независимых кредиторов, если поручитель исполнил обязательство перед кредитором в ситуации неплатежеспособности или объективного банкротства.

Должник и банк заключили договор о возобновляемом кредите, в

соответствии с которым банк предоставил заемщику денежные средства (возобновляемый кредит) в пределах лимита задолженности на сумму 100 млн. рублей.

В обеспечение исполнения обязательств по кредитному договору общество, являющееся контролирующим должника лицом, предоставило банку поручительство.

В связи с неисполнением должником обязательств по договору банк с расчетного счета общества списал 100 млн. рублей. Через две недели арбитражный суд по заявлению уполномоченного органа признал должника банкротом.

В рамках дела о банкротстве должника общество обратилось в суд с заявлением о включении своих требований, перешедших к нему в порядке суброгации (статья 365 Гражданского кодекса Российской Федерации), в реестр требований кредиторов.

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлениями суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, требования общества включены в реестр требований кредиторов, однако суды определили, что они подлежат удовлетворению после требований кредиторов, указанных в пункте 4 статьи 142 Закона о банкротстве. Суды при этом приняли во внимание, что исполнение по договору поручительства было осуществлено в условиях неплатежеспособности подконтрольного ему должника и что таким образом поручителем должнику было предоставлено финансирование в период кризиса. Выдавая поручительство, общество как контролирующее лицо осознавало, что обязанность погасить долг перед банком будет возложено на него, в первую очередь, в ситуации, когда заемщик будет не в состоянии возратить сумму кредита самостоятельно. Приняв риск неоплатности должника, общество тем самым заранее взяло на себя и обязанность осуществить санацию при наступлении кризисной ситуации у подконтрольного лица. На основании этого соответствующее

суброгационное требование поручителя не может конкурировать с требованиями независимых кредиторов.

В другом деле было установлено, что компания, обладающая 60% пакетом акций общества, за месяц до вынесения арбитражным судом определения о введении в отношении последнего процедуры наблюдения исполнила имеющиеся у общества обязательства перед банком и затем обратилась с заявлением о включении перешедших к нему на основании пункта 5 статьи 313 ГК РФ требований в реестр требований кредиторов.

Суд также посчитал, что подобное произведенное за должника исполнение представляет собой предоставление финансирования в ситуации неплатежеспособности должника, в связи с чем соответствующие требования контролирующего лица не могут конкурировать с требованиями других внешних кредиторов. Это послужило основанием для признания требований мажоритарного акционера обоснованными и подлежащими удовлетворению с понижением в очередности, то есть после требований кредиторов, указанных в пункте 4 статьи 142 Закона о банкротстве.

6. Требования контролирующих лиц о возврате предоставленного должнику финансирования *не подлежат включению в реестр требований кредиторов* независимо от времени предоставления финансирования, если такие лица виновны в доведении должника до банкротства.

Вариант: Требования контролирующих лиц о возврате предоставленного должнику финансирования *подлежат понижению в очередности удовлетворения* независимо от времени предоставления финансирования, если такие лица виновны в доведении должника до банкротства.

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции, удовлетворено заявление гражданина о включении его требования о возврате займа в третью очередь реестра требований кредиторов должника. При этом суды отклонили довод другого конкурсного кредитора о том, что указанный гражданин, являясь фактическим директором должника, своими действиями довел последнего до банкротства. Суды указали, что данные обстоятельства подлежат выяснению в рамках спора о привлечении контролирующего лица к субсидиарной ответственности и не могут служить основанием для отказа во включении требований фактического директора в реестр требований кредиторов.

Постановлением суда округа определение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции отменены, дело направлено на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

По общему правилу требования участников должника и иных обладающих фактическим и юридическим контролем над его деятельностью лиц не подлежат субординации в отношении требований других внешних (независимых) кредиторов, поскольку участники гражданского оборота обладают свободой выбора способа и правовой формы предоставления финансирования предприятию, в котором они участвуют.

Вместе с тем такой подход не может быть применен, когда участник, виновными действиями создал ситуацию, в которой надлежащее исполнение обязательства как перед ним, так и перед другими кредиторами невозможно и они получают удовлетворение лишь в части (пункт 4 статьи 1 ГК РФ).

Кроме того, создавая ситуацию невозможности погашения требований иных кредиторов, контролирующее лицо либо осуществляет вывод активов, либо иным образом порождает условия, способствующие уменьшению стоимости конкурсной массы. Поэтому предполагается, что в процессе такого умаления стоимости активов должника контролирующее лицо уже получает удовлетворение своего требования. В ситуации банкротства кредитор не вправе полагаться на то, что последствия его виновных действий

будет нести не только он сам, но и другие кредиторы, размер удовлетворения требований которых уменьшится, если в реестр также будет включено его требование. Создав ситуацию неисполнения, в том числе для третьих лиц, участник не может получить удовлетворение наряду с такими независимыми кредиторами.

7. В ситуации, когда лицо, возражающее против включения в реестр требования аффилированного с должником кредитора, с помощью косвенных доказательств обосновало утверждение о мнимом характере долга, на такого кредитора переходит бремя опровержения данных утверждений.

В рамках дела о банкротстве компании общество, обратилось в суд с заявлением о включении своих требований в реестр требований кредиторов, ссылаясь на наличие непогашенной заемной задолженности.

Банк, являвшийся конкурсным кредитором компании, возражал против включения требований в реестр, указывая на мнимый характер задолженности.

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции, требования общества включены в реестр требований кредиторов. Отклоняя возражения банка, суды указали, что общество и должник не участвуют в уставных капиталах друг друга, имеют разных руководителей. Суды сочли, что контроль одного и того же лица над сторонами сделки должен быть подтвержден лишь прямыми доказательствами, в том числе, исходящими от бенефициара документами, в которых содержатся явные указания, адресованные должнику и кредитору, относительно их деятельности.

Суд округа принятые судами первой и апелляционной инстанций судебные акты отменил, направил обособленный спор на новое рассмотрение по следующим основаниям.

Нижестоящие инстанции в нарушение положений статей 71, 168, 170 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации не исследовали и не оценивали совокупность имеющихся в материалах дела косвенных доказательств и возражений других кредиторов, указывающих на зависимый характер деятельности сторон сделки. Так, банк указывал, что при кредитовании общества он вел переговоры с предпринимателем, который позиционировал себя в качестве владельца бизнеса группы лиц, в которую входили как общество, так и компания; предприниматель и компания выдали обеспечение по кредиту, полученному обществом. Предоставив соответствующие выписки по счетам сторон сделок, банк выдвинул версию, что общество, получив от него кредит на значительную сумму, направило денежные средства под видом займа в пользу компании, а также иных участников группы. По мнению банка, данные операции не имели под собой реального экономического основания, а были необходимы лишь для вывода средств в пользу бенефициара группы.

Вместе с тем суды, ограничившись формальной констатацией существования полного комплекта документов в подтверждение займа, указанную версию банка не проверили.

Суды не учли объективные сложности доказывания независимым кредитором мнимого характера отношений входящих в одну группу лиц. Такие сложности возникают зачастую как в результате отсутствия, в силу объективных причин, прямых письменных доказательств, подтверждающих соответствующие доводы, так и в связи с нежеланием сторон сделок и аффилированных с ними лиц раскрывать документы, отражающие реальное положение дел и действительный оборот. Однако подобные процессуальные особенности не должны снижать уровень правовой защищенности независимых кредиторов, которые могут пострадать от наличия в реестре несуществующего требования. Поэтому если возражающие против требования лица убедительно с помощью косвенных доказательств обосновали утверждения о подозрительном характере долга, положенного в

основание требования, бремя опровержения данных утверждений переходит на располагающего большим объемом информации и доказательств заявителя, которому не должно составить труда доказать реальность предъявленного им требования, раскрыть обстоятельства, предшествующие вступлению в договорные отношения, разумные экономические мотивы, побудившие заключить сделку, основания для дальнейшего внутригруппового перенаправления денежных средств.

8. Уступка контролирующим лицом в пользу независимого требования, которое подлежало понижению в очередности удовлетворения, по общему правилу не может изменить порядок удовлетворения этого требования в рамках дела о банкротстве.

В рамках дела о банкротстве должника компания обратилась с заявлением о включении ее требований в реестр требований кредиторов, ссылаясь на то, что оно приобрело данное требование, возникшее первоначально на основании договора беспроцентного займа, у общества. Другие кредиторы против включения требования в третью очередь реестра требований кредиторов возражали, указывая на то, что обществу принадлежало 73 процента акций должника и что соответствующее финансирование было им предоставлено в условиях неплатежеспособности последнего. Поскольку основания для понижения требований в очередности устанавливаются на момент их возникновения, последующая уступка правового значения не имеет, и требования компании (цессионария) также должны удовлетворяться после требований остальных кредиторов.

Суд первой инстанции с доводами кредиторов не согласился и включил требования компании в третью очередь реестра, указав, что юридическое значение имеют в первую очередь не обстоятельства возникновения требований, а лишь тип интереса заявляющего их кредитора, вытекающий из наличия или отсутствия у него статуса контролирующего должника лица.

Суд апелляционной инстанции определение суда первой инстанции

отменил, квалифицировав заявленные требования как подлежащие удовлетворению после требований кредиторов, указанных в пункте 4 статьи 142 Закона о банкротстве. Право требования по займу или иной экономически эквивалентной сделки, которое на момент своего возникновения подлежало понижению в рамках реестра требований кредиторов, не может изменить свой правовой режим в результате уступки другому лицу (пункт 1 статьи 384 ГК РФ). Кроме того, иной подход приводил бы к тому, что заинтересованные лица могли бы обойти правила о понижении очередности удовлетворения их требований посредством своим волевым актом – посредством формальной уступки требования на иное формально не имеющее контроля над должником лицо, что недопустимо.

9. Требование контролирующего должника лица, которое приобретено им у независимого кредитора, в лице которого первоначально возникло, по общему правилу подлежит включению в третью очередь.

ВАРИАНТ: Требование контролирующего должника лица, которое приобретено им у независимого кредитора, в лице которого первоначально возникло, по общему правилу не подлежит включению в третью очередь.

В рамках дела о банкротстве должника гражданин, обладающий 51% голосующих акций должника, обратился с заявлением о включении своих требований, вытекающих из кредитного договора, в третью очередь реестра требований кредиторов.

Другие кредиторы общества возражали против того, чтобы требования гражданина удовлетворялись на условиях, аналогичных условиям погашения их требований как независимых кредиторов, указывая на то, что должник является контролирующим лицом.

Определением суда первой инстанции во включении требований в реестр требований кредиторов было отказано.

Суд апелляционной инстанции данное определение отменил, требования кредитора включил в третью очередь. Как указал суд, заявленные требования не подлежали понижению в очередности, поскольку первоначально возникли на основании кредитного договора, заключенного между должником и банком, у которого в отношении должника отсутствовала какая-либо заинтересованность. Гражданину данные требования перешли уже от банка в порядке правопреемства. Право требования по займу или иной экономически эквивалентной сделки, которое на момент своего возникновения не подлежало понижению в рамках реестра требований кредиторов, не может изменить свой правовой режим в результате уступки другому лицу (пункт 1 статьи 384 ГК РФ). В связи с этим заявление о включении в третью очередь реестра должно быть удовлетворено. По общему правилу, как отметил окружной суд, наличие оснований для понижения требования в очередности его удовлетворения не зависит от возможных последующих изменений в его принадлежности.

ВАРИАНТ добавить два абзаца:

Суд округа принятые по делу акты отменил и направил дело на новое рассмотрение, указав следующее.

Поскольку смысл процедур банкротства заключается в том, что мажоритарный участник (акционер) либо другое контролирующее должника лицо лишается возможности определять действия должника, приобретение требований к последнему может рассматриваться в качестве попытки вопреки названным целям Закона о банкротстве установить контроль над процедурой, для которого по общему правилу разумный интерес отсутствует. В связи с этим требования, перешедшие к контролирующим должника лицам в преддверии и после введения в отношении последнего наблюдения, подлежат удовлетворению после требований, удовлетворяемых в порядке пункта 4 статьи 142 Закона о

банкротстве.

#БанкротствоНаДне